

УДК 82.0

2021.02.0__ Юрченко Т.Г. «Бахтинский вестник» – новый электронный научный журнал по бахтиноведению¹ (Обзор).

В обзоре представлены первые четыре выпуска нового научного электронного журнала «Бахтинский вестник» (Саранск).

Ключевые слова: бахтинистика; диалогизм; архитектоника; эстетическая деятельность; нарратология; смех; серьезность; хронотоп; литературоведение; философия

Yurchenko T.G. The new electronic scientific journal “Bakhtinsky vestnik” (Saransk).

The article deals with the first four issues of the new electronic scientific journal “Bakhtinsky vestnik”

Keywords: Bakhtin studies, dialogism, architectonics, esthetic activity, narratology, laughter, seriousness, chronotop, literary criticism, philosophy

В 2015 г. в Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарева в Саранске был организован научный Центр М.М. Бахтина. В городе, с которым связан значительный период жизни мыслителя, ныне проводятся Международные саранские Бахтинские чтения, идет работа над проектом «Бахтинская энциклопедия», первые результаты которой были опубликованы в 2019 г.². С 2019 г. начал выходить с периодичностью два номера в год «Бахтинский вестник» – новый электронный бахтиноведческий журнал, который, хочется надеяться, займет нишу издававшегося с 1992 г. и завершившегося в том же 2019 г. журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп» (его последний, 45-й выпуск посвящен памяти инициатора и бессменного главного редактора издания Николая Алексеевича Панькова, 1956–2014).

За 2019 и 2020 гг. вышло четыре номера «Бахтинского вестника», публикующего теоретические статьи отечественных и зарубежных ученых, архивные материалы (фрагменты записей лекций Бахтина, воспоминания и

1 Сайт журнал: <https://bakhtin.mrsu.ru>

2 Михаил Михайлович Бахтин: проблемы изучения биографии и научного наследия/ Отв. ред. С.А. Дубровская. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2019. – Вып.1. – 176 с. – (Бахтинская энциклопедия: материалы).

др.), обзоры и рецензии. Остановимся на некоторых проблемных статьях журнала, представленных в рубрике «Теоретические исследования».

Известный английский бахтиновед, директор Бахтинского центра в Шеффилде (Велибритания) Крэйг Брэндист [2] много лет занимается архивами Института сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ, 1925–1930), ранее Института им. А.Н. Веселовского (1921–1925), позже – Государственного института речевой культуры (ГИРК, 1930–1933), в котором с 1925 по 1932 г. работали соратники Бахтина – П. Медведев и В. Волошинов. Идеи Бахтина о социальной стратификации языка и его историческом развитии, считает К. Брэндист, тесно связаны с работами сотрудника ИЛЯЗВ – Л. Якубинского³, а обращение Бахтина к социологическим и дискурсивным исследованиям обнаруживает связь с коллективным проектом развития социологической поэтики в ИЛЯЗВ в конце 1920-х гг.⁴. Продолжая это направление исследований, К. Брэндист анализирует идеи Бахтина конца 1930-х гг., когда мыслитель переключил свое внимание на вопросы исторического развития семантических групп и сюжетных структур. Разработкой этих проблем в этот период занимались и в ИЛЯЗВ, о чем Бахтин, полагает К. Брэндист, мог знать со слов Волошинова и Медведева, а также из публикаций в институтском журнале «Язык и литература» и многих других изданиях.

Исторические исследования литературы в ИЛЯЗВ развивались в русле усовершенствования подхода Веселовского в соответствии с новой, активно разрабатывавшейся в советской историографии и социологии программой, в частности – с теорией сменяющих друг друга общественных формаций.

3 См.: Brandist C. Mikhail Bakhtin and Early Soviet Sociolinguistics // Proceedings of the XI International Bakhtin Conference. Universidade Federal do Paraná: Curitiba (Brazil). – 2003. – P. 145-153.

4 См.: Brandist C. The Bakhtin Circle and Research on Language and Literature in Leningrad Institutions: the view from the archives // Proceedings of the XII International Bakhtin Conference. – Jyväskylä, 2006. P 144-156; Brandist C. The Place of ILIaZV in the Development of the Ideas of the Bakhtin Circle // Бахтин, Европа, век двадцатый: Сб. Статей / под ред. В. Щукина. – Kraków: Wyd-wo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2006. – P. 73-84.

Веселовский, воспринявший идеи британских позитивистов и широко использовавший сравнительный метод в исследованиях мировой литературы, в отличие от индоевропеистов, изучавших народы с общими корнями, полагал вслед за английским антропологом Э. Лэнгом, что схожие практики порождаются схожими условиями существования. Это положение, считает К. Брэндиш, «оказало мощное влияние на лингвистику и теорию литературы после 1917 г. С этой позиции жанры и сюжетные линии должны прослеживаться вглубь истории до тех пор, пока они не станут объектами общей этнографии, теми практиками, которые Веселовский, подобно Тайлору и Лэнгу, считал возникающими в различных местах в результате сходных условий».

Сравнительно-исторический метод Веселовского был глубоко усвоен в ИЛЯЗВ, где работали его бывшие студенты – В. Жирмунский, В. Шишмарев, Н. Марр, но к концу 1930-х годов особенно влиятельной стала его версия этого метода, предложенная Марром, с его идеей развития языков от множественности (на самой ранней, «диффузной» стадии) к единству в соответствии со стадиями развития коллективного сознания, производительных сил и производственных отношений.

На Марра большое воздействие оказала книга Л. Леви-Брюля «Ментальные функции в примитивных обществах» («Les Fonctions mentales dans les sociétés inférieures», 1910), где утверждалось, что «ранние формы мышления были безразличны к логическим противоречиям и что вместо этого общественное мышление руководствовалась так называемым “законом партиципации”, в котором разделяемые всеми идеи регулируются чувством и телесной активностью. На последующем этапе люди освободились от влияния мифологического мышления посредством создания новых форм социальной организации и логических рассуждений <...> В контексте творчества Марра это влекло за собой появление более адекватных семантических единиц и синтаксических структур из “диффузных” форм первобытных обществ».

Развитие метода Марра, который стремился обнаружить более ранние стадии языка и мышления и дойти до имен первоначальных тотемов, шло от эволюционных исследований к семантике мифа и фольклора; когда литературоведы начали использовать этот подход, то нередко, замечает К. Брэндист, он оказывался весьма продуктивным. Например, в исследованиях И. Франк-Каменецкого, рассматривавшего библейских персонажей не как исторических лиц, а как персонификацию и воплощение универсальных космических сил.

Успешным применением к литературным исследованиям палеонтологии Марра в сочетании с принятой советской наукой теорией общественных формаций, стала также книга О. Фрейденберг «Поэтика сюжета и жанра» (1936) с ее важными теоретическими выводами для теории нарратива; Бахтин с этой книгой был хорошо знаком.

Методологические выводы, к которым пришли ленинградские филологи, К. Брэндист формулирует следующим образом: «сходство более общего порядка (жанров, стилей, эстетических принципов и идеологических тенденций) могло быть вызвано одинаковыми социально-историческими условиями. В любом случае все влияния являются органическими и социально обусловленными, поскольку для того чтобы особенность стала влияющей, должен существовать предварительный спрос на идеологический импорт, предсуществование аналогичных тенденций. Все литературные влияния подразумевают более или менее последовательную адаптацию определенной модели к локальным особенностям общественного развития и локальным потребностям соответствующего социального класса в его социальной практике».

Эти теоретические положения оказали большое влияние на Бахтина, наложившись у него на идеи, воспринятые из немецкой философии. Фактически, приходит к выводу исследователь, «Бахтин применяет методы анализа сюжетных структур и метафор, которые до сих пор прилагались к мифам, фольклору и древней литературе <...>, к современному

европейскому роману, выявляя структурные явления, которые выходят за границы национальных литератур и проявляются в разное время в определенных формах, соответствующих особенностям тех же или, по меньшей мере, аналогичных общественных формаций <...> Таким образом, у Данте и Достоевского представлены аналогичные пространственно-временные структуры, порождающие те же бинарные противоположности пространства и времени, которые оформляются в таких хронотопах, как дорога, порог, лестница и т.д. и которые в различных точках структурируют сюжеты на протяжении всей истории повествовательной литературы».

Статья профессора Мордовского государственного университета (Саранск) А.А. Сычева [3] посвящена реконструкции концепции серьезности у Бахтина. Исходным пунктом становится бахтинское понимание серьезности в науке как авторитетности, важности, обоснованности, представленное во многих работах мыслителя. Большое значение имеет и оппозиция серьезность/смех, подробно разработанная Бахтиным в книге о Рабле и переработанном издании книги о Достоевском.

Серьезность, отмечает А. Сычев, связана с заботами и угрозами, в то время, как смех, по Бахтину, «упраздняет тяжесть будущего»; серьезность сопутствует необходимости, ограничению, догматизму, смех – свободе, отмене запретов, разнообразию. В целом, «смех и серьезность в трактовке Бахтина рассматриваются как два мировоззренческих полюса, где первый представляет движение и изменчивость, а второй – завершенность и неизменность». Сфера смеха – мир в целом, во всей его противоречивости и подвижности. Серьезность же имеет отношение к определенной картине мира, которую она пытается выдать за единственно возможную реальность. То есть смех сопричастен последнему целому мира, он объемлет реальность как таковую, в то время, как серьезность – лишь один из моментов реальности. «Последнее целое нельзя представить себе серьезным – ведь вне

его нет врага, – оно равнодушно весело», писал Бахтин в небольшом фрагменте начала 1940-х годов под названием «Проблема серьезности»⁵.

Смех, подчеркивает А. Сычев, обращен часто к тем сферам жизни, которые обычно не принято выставлять на всеобщее обозрение, серьезность же, высвечивая что-то одно, способствует сокрытию: «В результате именно под маской серьезности, запрещающей всякие сомнения и насмешки – за важным видом, правильными словами, высокими чинами, должностями и званиями – предпочитают скрываться пустота, ложь и лицемерие».

Характерная особенность смеха, по Бахтину, – его принципиальная внеиерархичность: он снимает все сословные и классовые барьеры, фамильяризует отношения; серьезность же, как правило, предполагает иерархичность, выделяя нечто важное и авторитетное в ущерб остальному. Представления о серьезном помогают поддерживать субординацию в обществе: «Люди, занимающие господствующее положение, должны выглядеть в глазах всех остальных исключительными: более сильными, умными, авторитетными, харизматическими, даже если реальность свидетельствует об обратном. Поэтому они требуют только серьезного отношения к себе и не приемлют смеха. В итоге если народная культура полнее всего выражает себя через смех, то власть говорит исключительно на языке серьезности».

Оборотной стороной серьезности запугивающей, требующей и запрещающей власти является серьезность рабов и жертв, которая выражается в запуганности, смирении и лицемерии. Серьезность «отождествлялась Бахтиным с той плоской и упрощенной официальной культурой, которую он не мог принять, но с которой приходилось считаться».

Вместе с тем, Бахтин указывал и на такие формы серьезности, «в которых она не противопоставляет себя смеху и осознает, что она лишь один из бесконечных моментов “незавершимого целого мира”». Таковы лишенные

⁵ Бахтин М.М. Собрание сочинений. – М.: Русские словари, 1996. – Т.5. – С. 10.

всякого догматизма сократовская критическая философия и строгая научная серьезность.

В России серьезный и смеховой аспекты мира так и не были соединены воедино, что породило, приводит слова мыслителя А. Сычев, некоторую одностороннюю «серьезность всей нашей культуры и литературы. Мы не получили прививки раблезианского смеха (и стоящей за ним великой карнавальной культуры)»⁶.

Андреа Цинк [4], профессор по славянскому литературоведению, директор института славистики Инсбрукского университета (Австрия), отмечает, что уже в ранней работе «К философии поступка» (между 1918 и 1924 гг.) Бахтин формулирует один из основных постулатов своей этической философии – «высший архитектурный принцип действительного мира поступка» как «архитектурно-значимое противопоставление Я и Другого».⁷ Оставив работу над «Философией поступка», Бахтин обращается к области этически обоснованной эстетики. «Искусство, особенно художественная литература, служит ему в этом превосходным примером <... > Писатель через свою деятельность хоть и не может воплотить архитектуру мира поступков, но может ее сконструировать, создать, представить. И в представлении, в форме произведения, не в последнюю очередь отражается один из ведущих постулатов онтологии Бахтина: отношения между Я и Другим (я-для-другого) как отношение автора к своему герою».

Онтологическую разницу между Я и Другим, а также их этические импликации Бахтин прорабатывает в исследовании «Автор и герой в эстетической деятельности» (1924), делая акцент на оценивающем отношении автора к своим героям, анализируя сложные отношения различных точек зрения и кругозоров.

6 Бахтин М.М. Собрание сочинений. – М.: Языки славянских культур, 2010. – Т.4(2).– С.639.

7 Бахтин М.М. Собрание сочинений. – М., 2003. – Т.1.– С.67.

На примере анализа лирического рассказа И.С. Тургенева «Ши» (1878) из цикла «Стихотворения в прозе» А. Цинк показывает, как эстетика раннего Бахтина, предвосхитившая продуктивно ориентированную нарратологию⁸, может быть эффективнее формалистского и структуралистского подходов. Исследователь сопоставляет кругозоры героинь – потерявшей сына бабы и барыни, у которой некоторое время назад умер маленький ребенок, – кругозоры, которые находятся, в свою очередь, «в объятиях автора». Если описание горюющей бабы пронизано уважением и сочувствием автора-наблюдателя, то барыне он вовсе не уделяет внимания: ее внутренний мир передан через несобственно-прямую речь («она... прожила целое лето в городе! А баба продолжала хлебать ши») и производит неприятное впечатление: барыня высокомерна и эгоистична. Оценивающее отношение автора заметно в реплике: «Барыня только плечами пожала – и пошла вон». «Этим физически подчеркнутым непониманием барыни, – заключает А. Цинк, – очень точно выражен ее ограниченный, сфокусированный на себе горизонт. Поэтому мы, читатели, не следуем за ней,

а, напротив, солидаризируясь с Тургеневым, как будто “гоним” ее из дома и из текста».

Особый интерес представляет опубликованная в четвертом номере журнала Анкета «Бахтинского вестника» к 125-летию М.М. Бахтина [1], продолжающая давнюю традицию подобных опросов⁹. Пропуская первые два

8 См., напр.: Booth W. *The Rhetoric of Fiction*. – Chicago, 1961.

9 На вопросы редакции по поводу 30-летия со времени выхода второго издания книги М.М. Бахтина о Ф.М. Достоевском отвечают Буданова Н.Ф., Захаров В.Н., Пономарева Г.Б., Ренанский А.Л., Фридлендер Г.М. // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1994. № 1. С.5-15; Профессор Принстонского университета К. Эмерсон отвечает на вопросы редакции // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1994. № 2. С.5-13; На вопросы анкеты отвечают С.Г. Бочаров, И.Л. Волгин, Б.Ф. Егоров, А.И. Журавлева, Ю.Г. Кудрявцев, И.Б. Роднянская // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1994. № 3. С. 5-22; На вопросы редакции по поводу 50-летия защиты М. М. Бахтиным диссертации «Ф. Рабле в истории реализма» отвечают: М. А. Абрамова, Лев Аннинский, В.С. Библиер, Е.Ю. Гениева, А.Я. Гуревич, А.Н. Желуховцев, Богуслав Жилко, Вадим Кожин, Вадим Линецкий, В. Л. Махлин, Е. М. Мелетинский, Лев Осповат, Н.Д. Тамарченко, Caryl Emerson, Ken Hirschkor // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. № 4. С. 5-45; На вопросы редакции по поводу 50-летия защиты М.М. Бахтиным диссертации «Ф. Рабле в истории реализма» отвечают: Вяч. Вс. Иванов, Г.К. Косиков, С. И. Пискунова, Борис Шнайдерман, Жеруза Пирес Феррейра, Craig Brandist, Augusto Ponzio, Galin Tihanov //Диалог. Карнавал. Хронотоп.

вопроса (1. Когда Вы впервые услышали имя М.М. Бахтина и познакомились с его работами? 2. Какой текст М.М. Бахтина Вы считаете самым важным и почему?) как имеющие в значительной степени отношение к личному опыту и научным пристрастиям конкретного исследователя, остановимся на вопросах общего характера, выбирая, наш взгляд, ответы, представляющие картину наиболее объемно. Таков третий вопрос Анкеты: «Какие идеи М.М. Бахтина представляются Вам наиболее актуальными сегодня?»

В отношении наук исторического опыта – гуманитарных, полагает В. Махлин (Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия), слово «актуальный» не вполне подходит. Идеи Бахтина как бы «зависли» в сложившейся ситуации, которую «можно охарактеризовать на языке бахтинской мысли как новое очередное “отпадение от абсолютного будущего”, как отделение “официального” общественного сознания от “неофициального” (от “житейской идеологии”), хотя это отделение, или отслоение, выглядит теперь иначе, чем это было в советское время». Вместе с тем, по мнению исследователя, именно теперь, когда мода на Бахтина прошла, для понимания его идей открываются новые возможности.

Кэрил Эмерсон (Princeton University, Princeton, USA) выделяет пять таких ключевых моментов. Во-первых, это идея вневходимости, которая может быть, на ее взгляд, весьма продуктивной при решении вопросов, стоящих сегодня перед современным обществом (в данном случае – американским) с его проблемами толерантности, социальной этики, социальной справедливости. Во-вторых, идея многоголосия, разработанная в книге о Достоевском, где проблема плох или хорош конкретный индивид с его мировосприятием отступает на задний план перед фактом его взаимодействия с другими мировосприятиями, фактом их взаимного

1997. № 1. С.5-33; На вопросы редакции о бахтинской теории карнавала отвечают Roumiana Deltcheva, Andrew Favell // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1997. № 2. С. 5-16; На вопросы редакции о бахтинской теории карнавала отвечают А.П. Бондарев, Н.К. Бонецкая, М.Ю. Реутин, И.К. Стаф // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1997. № 3. С. 5-11; На вопросы редакции о бахтинской теории карнавала отвечают М.Л. Андреев, Г.Д. Гачев, Г.С. Поме-ранц, О.А. Светлакова // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1997. № 4. С. 7-25.

существования. Важны, по мнению исследовательницы, и две параллельно развивавшиеся мыслителем в 1930-е гг. идеи двуголосого слова и двутелого тела. Первое – разработка и углубление идеи диалогичности, присущей роману как жанру, второе связано с идеей карнавала, причем не только и столько как сатирического ниспровержения, сколько как пути к освобождению личности. И, наконец, пятое – это идея Большого времени, подразумевающая выход гуманитарных наук и, прежде всего – филологии, на новый уровень понимания и ответственности.

В.И. Тюпа (Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия) подходит к вопросу с точки зрения самой актуальной, по его мнению, гуманитарной тенденции нашего времени – нарратологии, выделяя как наиболее значимые бахтинские идеи интенциональность события («главное лицо события – свидетель и судья»), двойную событийность дискурса («рассказанное событие» + «событие самого рассказывания, в котором мы и сами участвуем»), неотожждественность нарратора и автора, «облеченного в молчание», «разноречие» романских и построманских нарративов как внешняя манифестация потенциальной «полифонии» сознаний.

По мнению Т.Г. Щедриной (журнал «Вопросы философии», Москва, Россия), актуальными представляются разработка Бахтиным проблемы понимания целостного высказывания, проблема выражения («выразительного и говорящего бытия»), а также идеи хронотопа (как особой сферы разговора, в которой становится возможным понимание) и вненаходимости.

В.И. Новиков (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия) называет очень важной для гуманитарной культуры идею мыслить «точками зрения», выраженную в книге «Проблемы поэтики Достоевского», как пути к обретению «эмоционально-интеллектуального всепонимания». Другая идея – «чужого слова» как

способа сочетания разных точек зрения. И, наконец, идея амбивалентного смеха, сочетающего отрицание и утверждение.

Маттиас Фрайзе (Гёттингенский университет имени Георга-Августа, Гёттинген, Германия) наиболее важной считает идею о диалогической природе слова, особенно в нынешних условиях расцвета «цифровых гуманитарных наук, когда существует угроза утраты понимания того, что есть человеческое в гуманитарных науках.

А.Г. Лисов (Витебская ордена «Знак Почета» государственная академия ветеринарной медицины, Витебск, Республика Беларусь) выделяет две концепции – диалогизма, в развитие которого в философии XX в. Бахтин внес существенный вклад, и карнавальная культура, которая получила «методологическое значение и поэтому вышла за пределы теории литературы, приобрела философскую значимость».

Крейг Брэндиист полагает важнейшей идею диалога как культурного и социального феномена, выходящую далеко за рамки литературных исследований. Очень плодотворными также представляются ученому выдвинутые Бахтиным концепции разноречия, разноязычия, многоязычия, требующие однако от обращающихся к ним исследователей тщательной исторической проработки.

Т.В. Автухович (Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Республика Беларусь) также считает очень значимой для современного мира – и просто спасительной – идею диалога, замечая при этом, что «надежды диалогистов начала XX в. на становление конвергентного менталитета не оправдались: мир снова разрывают противоречия, на смену радикально индивидуализированному сознанию так и не пришло диалогизированное сознание, – напротив, и на уровне государственной политики, и на уровне частной человеческой жизни установка на достижение “диалога согласия” (М.М. Бахтин) остается лишь декларацией, а не реальностью мышления и поведения, более того, действительность начала XXI в. демонстрирует нарастание процессов

автономизации личности, индивидуализма, национального эгоизма и культурного изоляционизма». Исследовательница усматривает также неожиданную актуализацию бахтинской идеи карнавала в белорусских событиях, последовавших за президентскими выборами августа 2020 г.

Отвечая на четвертый вопрос анкеты («Ваше видение вклада М.М. Бахтина в гуманитаристику»), В.Л. Махлин полагает, что Бахтин «ввел относительно новый социально-онтологический принцип видения и понимания всех вообще явлений духовно-идеологической и научной культуры – от эстетики до политики и богословия», который в ранних работах мыслителя обозначался как «причастная автономия» или «автономная причастность», а затем стал называться «диалогом», «диалогичностью», «диалогизирующим фоном», «диалогическими отношениями», «диалогизмом». В начале 1920-х гг. Бахтин «продумал, но лишь отчасти оставил в текстах новую русскую философию, не похожую ни на научно-материалистическую (советскую), ни на религиозно-идеалистическую (дореволюционную и пореволюционную) метафизику и мечтательство “о главном”». Уникальность же Бахтина, по мнению исследователя, в том, что он «перевел» свою философию и христологию на подсоветские историко-филологические языки, даже на язык марксизма – в «спорных текстах», что в 1960–1980-е гг. стало, пишет В. Махлин, сенсацией (и одновременно ловушкой) у нас и на Западе.

По мнению К. Эмерсон, для гуманитарных наук основополагающими являются два принципа бахтинской философии: различие между внутренним («я») и внешним («ты», другие), а также между открытым (смехом, незавершенностью, изменчивостью как свойствами личности) и закрытым (серьезным, завершенным, неподвижным как свойствами вещи). Вся человеческая жизнь между этими двумя полюсами. Оптимальное положение для гуманитаристики как дисциплины и как мировосприятия – быть на личностном полюсе, отмеченном заинтересованным и бесстрашным отношением к различию.

Вклад Бахтина в гуманитарное мышление, отмечает В.И. Тюпа, трудно оценить, столь много его прямого и косвенного влияния, а также «опережающего улавливания непростоявшихся еще в его время тенденций. Почти за два десятилетия до “Археологии знания” Фуко Бахтин занялся разработкой категории дискурса. <...> Поль Рикёр, обратившись к нарратологической проблематике, ссылаясь на “уроки Бахтина”. Предварил Бахтин и ведущую роль категории “другого” для современной гуманитаристики». Наиболее важным у Бахтина исследователь считает «диалог согласия» – мысль о том, что истина неместима в одно сознание, она требует множественности сознаний.

Евгений Матузов (University of Delaware, Newark, USA) видит клад Бахтина в гуманитаристику в нравственном диалогизме: будучи полным отрицанием позитивизма, он стоит за авторскими суждениями и персональной ответственностью.

Бахтин, считает М. Фрайзе, обнаружил, что диалогичен по сути не только язык, но и общество, религия, психика, литература, время, пространство, познание, история.

С появлением работ М.М. Бахтина, отмечает О.В. Филиппова (Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия), началось движение отечественной лингвистики к антропоцентризму, к анализу языка в социально-психологическом аспекте; на его идеях базируются новые лингвистические направления (в том числе, генристика, коммуникативная стилистика).

Усвоение гуманитарными науками диалогизма «как основополагающего методологического принципа, обозначило до сих пор не достигнутую идеальную цель развития науки в целом – ее гуманитаризацию», пишет Т. Автухович.

Оценивая современное состояние Bakhtin studies (пятый вопрос Анкеты), В.Л. Махлин отмечает немалую работу, проведенную за последние двадцать лет. Это и издание Собрание сочинений М.М. Бахтина под

руководством С.Г. Бочарова, завершившееся в 2012 г., и работа по сбору биографического и историко-культурного материала, осуществленная Н.А. Паньковым и исследователями из Саранска. Но главным «приобретением» бахтинистики последних двух десятилетий ученый называет утрату прежних иллюзий насчет «возможности понять этого автора лучше, чем он сам себя понимал». С отходом от предвзятостей второй половины XX в. вновь появляется шанс Бахтина осмыслить и описать.

Н.И. Николаев (Научная библиотека им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия) оценивает сегодняшнее состояние бахтинистики как катастрофичное, указывая, что в уникальное по своему составу Собрание сочинений М.М. Бахтина из-за противодействия некоторых отечественных и зарубежных исследователей не включены книги и статьи мыслителя, изданные под именами его друзей в 1920-е гг. «Бахтинское авторство этих книг и статей несомненно и не единожды доказано, – пишет Н.И. Николаев. – Необходимо новое – на уровне томов Собрания сочинений М.М. Бахтина – комментированное издание этих книг и статей».

По мнению В.В. Бабича (Витебск, Республика Беларусь), серьезное препятствие для развития бахтинистики представляет недостаточная разработанность источников (контекста) творчества Бахтина.

Галин Тиханов (Queen Mary University of London, London, United Kingdom) полагает, что существует порочная тенденция использовать понятия Бахтина как устоявшиеся термины без учета конкретно-исторического и культурного контекстов, их породивших, и призывает к четкому осознанию границ применения бахтинской теории.

В.И. Лаптун (Мордовский государственный педагогический университет им. М.Е. Евсевьева, Саранск, Россия) подчеркивает, что современное бахтиноведение представляет собой мощную международную отрасль гуманитаристики. Труды М.М. Бахтина с комментариями выходят на

разных языках; филологи, философы, культурологи, историки, педагоги активно обращаются в своих исследованиях к наследию мыслителя.

Современное бахтиноведение, считает К. Брэндист, находится в промежуточной точке между обретением Собрания сочинений и полным доступом к архиву. Теперь, когда стало известно гораздо больше, чем прежде, появилось и осознание того, что доступно еще не всё. Для дальнейших исследований, отмечает ученый, необходимо открыть архив.

Размышляя о перспективах развития бахтиноведения (шестой вопрос Анкеты), В.Л. Махлин связывает его дальнейшую судьбу со способностью «освободить мышление и наследие Бахтина, по его же выражению, “из плена времени”, не модернизируя и не эстетизируя утраченное прошлое, <...> попытаться разделить и “повторить” (в герменевтико-диалогическом смысле этого словопонятия С. Кьеркегора) вопросы и проблемы Бахтина по ту сторону фейковой “актуальности”, в перспективе “абсолютного будущего”».

К. Эмерсон полагает, что продуктивным, коль скоро бахтинистика обрела международный статус, было бы сотрудничество бахтиноведов разных стран с целью собрать воедино разные, нередко противоречащие друг другу представления о Бахтине, его понятиях (прежде всего – диалога и карнавала). Неожиданные контексты и перспективы могут высветить новые смыслы. Необходимо также стремиться к объединению «светского» и «религиозного» Бахтина, разработавшего оригинальную метафизику любви.

Изучение творчества М.М. Бахтина, считает Н.И. Николаев, должно отойти от исследований типа «Бахтин и...» и обратиться к детальному изучению всех его текстов – письменных и устных. Необходимо «реконструировать виленский, одесский и петроградский (до Невеля) периоды жизни и творчества М.М. Бахтина. Нужно попытаться заново рассмотреть возникновение философии М.М. Бахтина в невельско-витебский период с привлечением, с одной стороны, трудов М.И. Кагана и Л.В. Пумпянского, а с другой – всего массива зарождающейся новой европейской философии XX в. Более того, необходимо вновь путем медленного чтения

найти те понятия и идеи европейской философии XIX – XX вв., которые использует и с которыми полемизирует М.М. Бахтин при создании своей безусловно оригинальной философии».

Как одну из задач ближайшего будущего О.Е. Осовский (Мордовский государственный педагогический университет им. М.Е. Евсевьева, Саранск, Россия) выделяет завершение обработки архива Бахтина, переданного в Российскую государственную библиотеку, и открытый доступ к нему исследователей. Должен быть продолжен поиск новых документов, а также работа по комментированию бахтинских текстов.

По-прежнему насущной задачей остается создание научной биографии М.М. Бахтина. На это, в частности, указывает В.И. Лаптун, полагая, что в ее основе должен лежать анализ всего комплекса бахтинских идей, как реализованных в его трудах, так и «нового архивного материала, обнаружение и введение в научный оборот которого даст возможность заполнить все еще имеющиеся пробелы в жизнеописании мыслителя».

Список литературы

1. Анкета «Бахтинского вестника» к 125-летию М.М. Бахтина // Бахтинский вестник. – Саранск, 2020. – №2(4). – URL: <https://bakhtin.mrsu.ru/2020%20%84%964/> (Дата обращения 1.12.2020).

2. Брэндиш К. Исторический поворот Бахтина и его советские предшественники Бахтинский вестник. – Саранск, 2020. – №1(3). – URL: <https://bakhtin.mrsu.ru/wp-content/uploads/2020/04/2020-№3-Брэндиш-Крейг.pdf> (Дата обращения 1.12.2020).

3. Сычев А.А. М.М. Бахтин о проблеме серьезности // Бахтинский вестник. – Саранск, 2019. – №1. – URL: <https://bakhtin.mrsu.ru/wp-content/uploads/2019/02/2019-№1-Сычев.pdf> (Дата обращения 1.12.2020).

4. Цинк А. «Я и Другой» в ранних работах Михаила Бахтина: проект этического литературоведения Бахтинский вестник. – Саранск, 2019. – №2. – URL: <https://bakhtin.mrsu.ru/wp->

content/uploads /2019/09/2019-№2-ЦИНК.pdf (Дата обращения
1.12.2020).